Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности

В статье развиваются представления об идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности, говорится о необходимости формирования новой российской идентичности как евразийской цивилизационной идентичности, а также о поиске современных национальнообразующих символов.

Ключевые слова: духовное здоровье личности; идентичность; национальная идентичность; дух личности; негативная идентичность; отчуждение личности; отечественные традиции; евразийство; евразийская цивилизационная идентичность; соборность; новые национальные символы; ценность научно-технического творчества; национальное воспитание.

С.И. Данилов

Несмотря на то, что понятие духовного здоровья не имеет строгих научных рамок и выступает метафорой для обозначения некоторого комплекса психологических и нравственных качеств личности, являющихся, с точки зрения общества, нормой психического и нравственного развития индивида, значение этой антропологической категории для педагогического целеполагания очевидно.

Размышляя о фундаментальных условиях человеческого существования, Э. Фромм ставит психическое здоровье в зависимость от удовлетворения чисто человеческих потребностей и страстей, вытекающих из особенностей положения человека в мире: потребности в преодолении ограниченности собственного существования, системе ориентации и поклонения, чувствах приобщённости, укоренённости и тождественности [19, с. 91]. Потребность в чувстве тождественности, основанном на переживании своего «Я» в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, «настолько важна и настоятельна, что человек не мог бы сохранить душевное здоровье, если бы не нашёл какого-нибудь способа удовлетворить её» [19, с. 81, 93]. В книге «Здоровое общество» Фромм, по сути, пишет об идентичности[1] как имманентном свойстве духовно здоровой личности, причём в двух её (идентичности) измерениях: индивидуальном,

Сергей Иванович Данилов — кандидат философских наук, доцент НОУ ВПО «Институт бизнеса, психологии и управления»

[1]Латинское identifico (отождествляю), identicus (тождественный, одинаковый) — термины, фиксирующие неизменное в изменчивом поведении личности, единство в многообразии её проявлений (ближайшие по смыслу понятия — самосознание и самоопределение личности); то же и в отношение общества.

отражающем уникальное в человеке (освобождение от кровосмесительной привязанности к роду и земле, осознание реальности вне нас и в нас самих, самотождественность), и социальном, характеризующем личность как представителя некой общности и носителя надличностных свойств (приобщённость, укоренённость, система ориентации, способность к любви и созиданию). При этом мыслитель указывает на то, что идентичность нуждается в своей актуализации: личность должна иметь возможность проявить себя, реализовать свои способности, выразить свою сущность. Невозможность самоосуществления может быть вызвана несформированностью или кризисом идентичности, которые оборачиваются настоящим экзистенциальным кризисом: разорванным самосознанием, дефектами воли, утратой идеалов и личностных смыслов, проблемами социализации и коммуникации, аполитичностью, инфантильностью, затруднением с профессиональным самоопределением — всем тем, что в совокупности может быть определено как *духовное нездоровье*. «Поистине одна из худших форм душевных страданий человека — это скука, незнание, что делать с собой и своей жизнью», — пишет Э. Фромм [19, с. 387]. Для самоосуществления важно не только осознать свою «самость», но и обладать достаточной для этого волей, целенаправленное воспитание которой должно быть важнейшей целью настоящего образования. (Вспомним рассуждения на этот счёт И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» [18, с. 69–89].)

Несформированность или утрата идентичности может *вызвать душевное нездоровье*: потерю психической стабильности и эмоциональной уравновешенности, повышенную тревожность, неврозы и фобии, появление эскапистского и даже суицидального комплекса, склонность к деструктивному поведению, мазохизму или садизму, а также заболевание алкоголизмом и наркоманией.

Однако препятствия на пути самоосуществления личности могут находиться в самом обществе — тех социальных порядках, которые действуют на личность, отчуждая её от собственной сущности (несправедливые трудовые отношения, бюрократия, урбанизация, засилье техники, власть идолов, технологии манипулирования и т. п.). Человек не способен воплотить себя в том или ином качестве ввиду своей беспомощности перед социальными обстоятельствами и переживает свое отчуждение как расстройство планов, чувство беспомощности и бессмысленности существования. В этом случае духовное нездоровье отчуждённой личности — производная от нездорового общества.

Фундаментальной проблеме отчуждения посвящены тома философской литературы, и нетрудно видеть, что с кризисом идентичности так или иначе связано каждое из проявлений отчуждения личности: сковывание и утрата духом свободы (Гегель), отчаяние и нежелание быть собой (Кьеркегор), утрата родовой сущности (Фейербах), самоутрата и рабство (Бердяев), пленение миром и обстоятельствами, потеря гармонии и согласия с самим собой (Ортега-и-Гассет), смыслоутрата (Франкл), отчуждение труда (Маркс), утрата экзистенции, неполнота и неподлинность бытия (экзистенциализм).

Идентичность предполагает не только эго-идентичность — осознание человеком собственной индивидуальности, — но и формирование образа значимой общности, членом которой выступает осознающий себя индивид, — коллективную (социальную) идентичность. Многообразие общностей, в которые включен индивид, можно разделить на временные, частные, малозначимые (спортивных болельщиков, членов общественных организаций) и базовые — устойчивые, основополагающие общности: этноса, нации, цивилизации.

Особый вид социальной идентичности личности — национальная идентичность — несёт в себе указание на общность, сформированную по критериям единства происхождения, культуры и истории и связанную с определённой государственностью. Последнее не обязательно для этнической идентичности, указывающей, как правило, на более узкую общность. Национальноидентификационный комплекс включает в себя мировоззрение и язык, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческую память, этнонациональные образы, мифы и символы, национальные традиции и стереотипы поведения, представления о месте страны в мире и её культурно-цивилизационной принадлежности, национальных интересах и даже геополитических приоритетах.

Исторически формирование национальных идентичностей служило цели расширения масштабов социального, политического и культурного единства людей, то есть скорее их объединению, нежели ограничению и обособлению [14, с. 335].

Достижение и сохранение не только личной, но и национальной идентичности — экзистенциально значимая потребность для многих людей. Потеря культурной «почвы», разрыв связи со значимой общностью болезненно сказываются на их социальном самочувствии. «Быть на чужбине, — писал М. Кундера, переживший эмиграцию из Чехословакии во Францию, — значит идти по натянутому в пустом пространстве канату без той охранительной сетки, которую предоставляет человеку родная страна, где у него семья, друзья, сослуживцы, где он без труда может договориться на языке, знакомом с детства» [10, с. 85]. Национальная идентичность играет непосредственную роль в психической и духовной жизни личности, помогая людям переживать социальные катаклизмы и коллективные травмы, полученные в недавнем или отдалённом прошлом [14, с. 315].

Традиционно выступая в роли универсальных социально-психологических механизмов отбора наиболее эффективных способов конструирования и оснований консолидации обществ, национальные идентичности почти повсеместно подверглись деформациям, эрозии, деструкции, главным образом под давлением процессов глобализации, что обсуждается в современной отечественной и зарубежной социальной философии и культурологии как одна из самых значимых гуманитарных проблем [3; 5; 14; 21; 23; 24; 25].

Однако в неолиберальной транскрипции национальная идентичность — это уже некий реликт до-модерна (чуть ли не средневековый партикуляризм и патология), а границы между этнокультурными целостностями в современном постиндустриальном мире в таком понимании не более реальны, чем линия экватора на поверхности земли: цепляться за национально-государственные перегородки в глобальном экономическом и информационном пространстве — националистический анахронизм.

Вместе с тем значительная часть философов, социологов, политологов и культурологов с тревогой говорят о вызванном глобализацией кризисе национальных идентичностей [1; 20; 22; 30]. «Миллионы индивидов напряжённо ищут собственную идентичность или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок», — пишет Э. Тоффлер [29, с. 366]. Утрата любой нацией своей идентичности грозит ей потерей способности к стратегическому самоутверждению (в терминологии Ю. Хабермаса — «экзистенциальному самоутверждению нации»), эрозией политики (только сознание национальной идентичности заставляет людей чувствовать взаимную политическую ответственность [20, с. 369, 370]; национальная идентичность — духовное основание современной политической конструкции, условие развития живого политического бытия [24, с. 387, 394]). Разрушение идентичности народа оборачивается его неспособностью сформулировать национальный интерес («национальные интересы вырастают из национальной идентичности» [22, с. 31]) и в конечном итоге — утратой народом своей исторической экзистенции: его способности к самоосуществлению и созиданию своей исторической судьбы, к жизни, опирающейся на собственные глубинные основания: культурно-исторические, геополитические и духовно-религиозные. С утратой идентичности общество перестаёт быть обществом и превращается в атомизированную массу отчуждённых индивидов — удобный материал для социально-политического, идеологического и экономического манипулирования.

Всё сказанное объясняет, почему общество и государство должны быть объективно заинтересованы в воспроизводстве национальной идентичности как социально интегрирующем факторе и почему формирование национальной идентичности должно стать предметом особой заботы институтов образования и социализации детей и молодёжи. Очевидно и другое: система образования и институты социализации сегодня неэффективны в воспроизводстве положительной идентичности у детей и молодёжи [2; 5; 9]. Как показывают социологические исследования, единственная позитивная опорная точка нацио-

нального самосознания постсоветского общества — Великая Победа, вызывающая у россиян наибольшую гордость в истории страны и выступающая главным элементом их коллективной идентификации [5, с. 25]. Даже полёт Юрия Гагарина, былое и сохраняющееся в отдельных направлениях лидерство страны в космосе утратили свое идентификационно-символическое значение! Вместе с этим в перечне важнейших событий XX в. для России, составленном на основании социологических опросов, — многократное (до 6 раз) преобладание негативных событий над позитивными [5, с. 21]: в глазах населения история страны — не процесс постоянного повышения качества жизни, просвещения и благосостояния, технического и социального прогресса, не цепь государственных достижений и свершений, научных открытий, а хроника несчастий, стихийных бедствий и запредельных испытаний.

Для оценки состояния российского общества сегодня социологами активно используется понятие *негативной идентичности*. В одних случаях это самоопределение «от противного», на основе противопоставления символам других наций: истинной веры — ереси, православия — католицизму, русского коллективизма — западному индивидуализму и т. п. В сущности, идентификации не может быть без противопоставления себя другому, своей нации, культуры — другим нациям и культурам. Но в негативной идентификации условием солидарности становится общее осуждение и отрицание «чужого», «враждебного», «неистинного», и упускается из виду то, что «чужие недостатки не есть наши достоинства». Другой модус негативной идентичности — отрицание положительной сущности собственной нации, отражающее негативную национальную самооценку, комплексы коллективного бессознательного: «неудачи», «слабости», «обделённости», «отсталости», «неполноценности», «недоверия к миру», «жертвы» и т. д., что связано со специфическим восприятием собственной истории как «лишённой смысла», сплошной череды «негативных событий» [5].

Негативная идентичность — предпосылка многих уродливых социальных явлений (антисемитизма, ксенофобии, различных форм деструктивного поведения) и ресентиментной (ущербной) морали. Негативная идентичность, равно как и отсутствие идентичности, — симптом кризиса самосознания нации. Широкое распространение негативной идентичности — предпосылка роста внутренней агрессивности масс, асоциального и антисоциального (экстремистского) поведения молодёжи [2], коллективных фобий разного рода. Негативная идентичность провоцирует деморализацию интеллектуального сообщества, моральный релятивизм, демонстративный цинизм, социальную нетерпимость, неспособность к самоограничению, привычное нарушение общепринятых норм и правил поведения. Другое следствие — общественная примитивизация, появление упрощённой идентичности, болезненного национального самомнения, идеологии утраченного национального величия, национальной интолерантности. По мнению экспертов, структуры негативной идентичности являются механизмами систематического разрушения позитивной гражданской солидарности и взаимной ответственности; негативная идентификация является симптомом не просто нестабильности общества, но и отсутствия у него будущего.

Воспроизводство положительной национальной идентичности средствами образования детей и молодёжи должно опираться на хорошо разработанный и ясно осознаваемый педагогическими работниками понятийно-категориальный аппарат и технологии, адекватные решаемой задаче. В работе «Формирование национальной идентичности как педагогическая проблема» [7] мы проанализировали основные методы формирования национальной идентичности образовательными средствами, взяв за основу концепцию «субстанциального воспитания» К. Ясперса, которое заключается в формировании у человека исторического сознания. По его словам, «ни одна реальность не является более существенной для нашего самоудостоверения, чем история… История — это место, где открывается, что такое человек, чем он может быть, что из него получается и на что он способен» [27, с. 98, 107].

Историческое сознание как чувство и осознание исторической размерности человеческого существования, соучастия человека в исторической ситуации, позволяет ему принять решение о своей сущности, сделать свободный, но ответственный и неслучайный выбор своего бытия. Схожую точку зрения занимал Ж.-П. Сартр, утверждавший: *«Je suis mon passüe»* («Я есмь мое прошлое») [28, с. 159].

Противоположность «исторического сознания» — сознание «одномерного» человека, осуществляющего себя лишь в плоскости настоящего и принципиально не способного быть носителем духа, пространство которого сужено до сиюминутного интереса, нетерпеливого, капризного желания, эгоистического своеволия.

Историческое сознание, напротив, позволяет человеку стать в полной мере *трансцендирующим* существом, преодолевающим временные границы своего наличного бытия, осознающим свою жизнь моментом непрерывного незавершенного развивающегося культурно-исторического континуума, даёт возможность обрести ощущение принадлежности к народу, культуре и *традиции* как *всевременному единству объемлющей его реальности*.

В неразрывном единстве с историческим сознанием находится дух человека, понимаемый как:

• *единство самой личности*, чувство её непрерывности и самотождественности, происходящих из индивидуального своеобразия, с которым в жизни личности свободно воплощается вся полнота человеческого опыта, традиций и культуры;

• *единство людей в обществе*, ибо оно не обретается ни путём конвенций (их ненадежность, временность, зыбкость не раз подтверждались историей), ни на основе религии (религиозные различия не мешают мирному сожительству христианских, мусульманских, буддистских народов России, объединяемых *общностью исторической судьбы*); неслучайно Карл Ясперс писал, что «единство можно обрести только из глубины историчности…» [27, с. 108]; очевидно, что такая укоренённость индивида в культурно-исторической почве как противоположность маргинальной одномерности и «духовному бомжеству» — основа социальной ответственности, совести, чувства долга, заботы о жизненном мире.

С исторической памятью непосредственно связана человеческая нравственность. «Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти... Без памяти нет совести», — писал Д.С. Лихачёв [12, с. 432].

В процессе поиска, описания и интерпретации *артефактов* — продуктов человеческой истории, объективированных (опредмеченных) форм прошлой духовной жизни народа, содержащих запас человеческого опыта, наполненных сокрытым для новых поколений ценностным и смысловым содержанием, — происходит распредмечивание, интерпретация и усвоение объективированных в артефактах смысловых содержаний, «оживление» воплощённого в них духа (личности, народа), с одной стороны, а с другой — одухотворение личности, которая становится причастной к некой надиндивидуальной всевременной реальности культуры. В таком заочном — через артефакты — диалоге с прошлым человек обретёт чувство взаимной связности с другими людьми, чувство «солидарности поколений», осознает свою погружённость в некую первореальность «мы», что, по мнению С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, В.В. Зеньковского, В.В. Розанова и многих других русских мыслителей, есть обязательное условие превращения индивида в духовную личность.

Актуальность социально-педагогической задачи формирования российской национальной идентичности обусловлена тем, что после демонтажа СССР как основы советской идентичности пребывавшая в её недрах в диффузном (субъективно незначимом) состоянии российская идентичность так и не обрела своей позитивной и актуализированной формы. В таком незавершенном, несформированном виде она столкнулась с серьёзными вызовами: усилением этнических идентичностей коренных народов России, включая русский народ, а также проблемой культурной ассимиляции приезжающих иммигрантов и их адаптации к российским культурно-ценностным нормам, вовлечение в единое языковое пространство принимающего, исторически сложившегося общества [17]. В условиях слабости общероссийской национальной идентичности этнические идентичности опасны своим тяготением к этническому национализму, интолерантности, мобили-

зации по этническому признаку в ответ на обострение социальных проблем и противоречий, включая религиозно-политический экстремизм.

Однако те же этнические идентичности могут быть использованы для национально-гражданской консолидации, формирования новой российской национальной идентичности, объединяющей и солидаризирующей всех граждан страны [16, с. 8]. Как писал академик Д.С. Лихачёв, «существуют совершенно неправильные представления о том, что, подчеркивая национальные особенности, пытаясь определить национальный характер, мы способствуем разъединению народов, потакаем шовинистическим инстинктам… Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим» [11, с. 521, 525].

Чтобы этническая идентичность не сопровождалась формированием этнической интолерантности и не служила общественной дезинтеграции, она должна формироваться в контексте более широкой идентичности, пониматься как индивидуация объемлющей культурно-исторической общности. Национально-гражданская консолидация невозможна на основе произвольной искусственной и конъюнктурной идеи — для этого требуется реальная традиция, общая для всех составляющих нацию этносов. Но у каждого народа традиции существуют во множественном числе, зачастую противореча друг другу. (Вспомним, для примера, размышления Н.А. Бердяева об антиномиях русской души.) Именно проблема выбора обычно лежит на пути достижения необходимого национального согласия. «…В переломные, кризисные времена, требующие реакции, способности повелевать, организации на основе центральной идеи разрозненных и неустойчивых народных сил, встаёт вопрос о выборе традиций. В собственном прошлом необходимо отыскать идеи, наиболее созвучные тем людям, которые в подобные моменты должны стать зачинателями нового цикла» [26, с. 101].

Исторический опыт России свидетельствует: наша страна обладает уникальной возможностью реализации государственной национальной политики — и в отношении традиционных для страны этнических общностей, и в отношении новообразованных диаспор — не на основе пресловутого мультикультурализма[2] , а на иных, естественных для неё культурно-исторических традициях с опорой на этнические идентичности российских народов. В контексте проблемы формирования и сохранения национальной идентичности России как поликонфессиональной и полиэтнической страны особую значимость приобретает идейно-философское наследие евразийцев, группы молодых российских интеллектуалов-эмигрантов первой четверти XX столетия:

• опыт их исследования истории и факторов становления «евразийской идентичности» и доказательства принадлежности народов России к единому кругу евразийской культуры (работы П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, П.П. Сувчинского, Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина и других евразийских авторов);

• теория *евразийского национализма* (Н.Н. Алексеев: «Не «интернациональна» русская культура, но сверхнациональна и "соборна…"; Н.С. Трубецкой: «русский национализм — это общеевразийский национализм, ничего общего не имеющий с узконациональным партикуляризмом»; схожее у И.А Ильина: «…национализм есть любовь к духу своего народа, и притом именно к его духовному своеобразию») [3].

Важную роль в структуре евразийской идентичности народов России-Евразии, по мнению евразийцев, играет *евразийское миросозерцание*, элементы которого проявляются в русской духовной традиции и представляют собой: ощущение единства исторической и природно-космической жизни; взгляд на Россию как «целый мир» — «великий Востоко-Запад» и «синтез культур», необходимость которого обусловлена «срединным» месторасположением страны, а возможность — особым типом социальных связей, исторически складывавшихся в России: общинностью и православной соборностью.

Социально-педагогическое значение имеет евразийская интерпретация понятия соборности. В социальной философии евразийства оно получает более широкую трактовку: евразийцы расширяют начало соборности за пределы церковной общины, рассматривая соборность как совершенную форму человеческой общности (многоединства); *соборность* выступает как специфическая форма взаимодействия социальных личностей, характеризуемая понятиями взаимной любви, служения ближнему, жертвенностью, верховенством соборного целого. По мнению евразийцев, в России-Евразии имеются все предпосылки (исторические, геоприродные, этнические, культурные, социальные и религиозные) для утверждения соборности как высшей формы общности во всех сферах жизни России. Евразийцы подводят к мысли о том, что совокупность народов России является естественно-исторической общностью и поэтому содержит в себе возможность стать подлинно соборным субъектом своего бытия. «Россия поистине является православно-мусульманскою, православно-буддистскою страной», — писал П.Н. Савицкий. Её народы, объединённые общностью исторической судьбы, сделали свой духовный выбор в пользу веротерпимости, что позволило избежать религиозных войн и кровопролитий в поликонфессиональной стране.

Евразийская полифоничность культуры России даёт шанс на формирование *«цивилизационной евразийской идентичности» как основы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, в том числе и с иммигрантами.* Традиция соборности предполагает, что при формировании солидаризирующей российской идентичности нельзя нивелировать этнокультурные различия, а также признание того, что в формировании цивилизационной общности России-Евразии — многонародной российской нации — объединяющую роль играет русский народ как преимущественный выразитель соборного единства, а русская/русскоязычная культура — основы гражданской консолидации. В связи с построением Евразийского экономического союза задача формирования «цивилизационной евразийской идентичности» приобретает особую актуальность.

Сегодня, по нашему мнению, необходима педагогическая актуализация социальной философии евразийства, заключающаяся в формировании у учащихся и студентов евразийского умонастроения в процессе изучения русской истории, литературы, языка, художественной культуры, географии, основ духовно-нравственной культуры народов России.

Для того чтобы использование понятия национальной идентичности в педагогическом целеполагании было продуктивным, необходимо ясно представлять идентификационный комплекс конкретных образов, смыслов, традиций, посредством которых она будет формироваться у детей, подростков и молодёжи. При этом нужно учитывать, что идентичность — это динамическая характеристика, которая может изменяться, наполняясь новым содержанием: актуализация отечественных традиций должна сочетаться с одновременным поиском новых образов и символов современной России, которые могли бы лечь в основу новой российской идентичности, стать привлекательными для детей и молодёжи и заставили бы переживать свое «Я» как национальное. Дефицит позитивной национальной идентичности следует компенсировать не только на основе изучения и освоения отечественных культурно-исто-

[2]Опыт США, ФРГ, Франции, Великобритании, Германии, Австрии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Швеции и других стран Запада привёл к разочарованию в политике мультикультурализма по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов в условиях глобализации и мультикультурной диверсификации населения. Идея мультикультурного сообщества предполагала, что представители различных культур должны были бы комфортно и бесконфликтно сосуществовать в нём на основе толерантности и национально нейтральных ценностей гражданского общества. Но на практике идея национального «плавильного котла» привела к усилению этнических идентичностей, в первую очередь иммигрантов, не желающих интегрироваться в европейскую культуру, к ослаблению и обезличиванию национальных культур коренных народов Старого Света, возрастанию социальной напряжённости в европейских странах на почве неприязненных межнациональных отношений, угрожающих новым «еврорасизмом». «Толерантность» и «мультикультурализм» в европейском исполнении работают не на интеграцию иностранцев или тем более их ассимиляцию, а на сегрегацию. Вывод, к которому склоняется всё больше экспертов и политиков: толерантность — слишком слабый заслон для нарастающих волн «еврорасизма», экстремизма на почве национальной розни и ксенофобии, а «интеграция возможна только в сильную доминирующую культуру, а не в «толерантность» и «безликость» мультикультурализма [6; 15; 13]. Ю. Хабермас считает, что гражданство должно быть не просто юридическим статусом личности, а членством в культурно определяемом сообществе, имеющем общее происхождение и судьбу [33, с. 370] .

рических традиций, но и путём новой национальной символизации. Осовременивание концепции и механизмов формирования идентичности должно учитывать развитие науки, современных технологий и демографических изменений российского общества.

Можно назвать, в частности, ряд реализуемых в стране проектов с положительным эффектом социально-педагогического воздействия на подростков и молодёжь («Зворыкинский проект», Сколково и др.), ознаменовавших старт большой системной работы по стимулированию инновационной активности и научно-технического творчества молодёжи. Выявление талантливых детей и молодёжи, стремящихся к творческой самореализации через инновационную деятельность, организационная и финансовая поддержка инновационных проектов — задача целого ряда институтов развития страны. В стране появилась социальная мобильность вертикального типа, именуемая инновационным лифтом, позволяющая креативным образованным людям реализовать себя в научно-техническом творчестве, инновационной деятельности и высокотехнологичном предпринимательстве и за счёт этого поднять свой социальный статус. Возникший в стране инновационный лифт даёт возможность *осовременить идентификационный комплекс страны за счёт героизации творческого труда молодых учёных, сумевших своими разработками заявить о себе всему миру.* В этой ситуации задача педагогов — заворожить новое поколение историями успеха и показать, что настало время новых героев, которые своим талантом, интеллектом и трудом способны сделать мир лучше, а положение человека в обществе становится функцией его образования, таланта, креативности и воли, и у каждого есть шанс стать реальным субъектом своей судьбы.

Сегодня необходимо возвратиться к традиции понимания образования как национального воспитания. Как писал И.А. Ильин, «новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть её будущий исторический путь». [8, с. 123].

Литература

1. *Бек У.* Что такое глобализация. — М., 2001.
2. *Беликов С.В.* Антифа. Молодёжный экстремизм в России. — М.: Алгоритм, 2012.
3. *Водолагин А.В., Данилов С.И.* Метафизическая ось евразийства. — Тверь, 1994.
4. *Водолагин А.В.* Нужна ли России «национальная идея»? // Национальные интересы. — 2003. — №.1.
5. *Гудков Л.* Негативная идентичность: ст. 1997–2002 гг. — М., 2004.
6. *Зорькин В.* Современное государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. Федеральный выпуск. — № 5579 (203). // 13 сентября 2011 г. http://www.rg.ru/2011/09/07 /zorkin-site.html.
7. *Данилов С.И.* Формирование национальной идентичности как педагогическая проблема // Педагогическое образование и наука. — 2006. — № 6.
8. *Ильин И.А.* О русском национализме: сб. статей. — М.: Российский Фонд Культуры, 2006.
9. Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. — М.: Смысл, 2012.
10. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия. — СПб., 2005.
11. *Лихачёв Д.С.* Избранное. Великое наследие. Заметки о русском. — СПб.: LOGOS, 1997.
12. *Лихачёв Д.С.* Раздумья о России. — СПб.: LOGOS, 2001.
13. Меркель признала провал мультикультурной модели. http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/.
14. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М.: Праксис, 2002.
15. *Рогозин Д.* Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы недели. — № 36 (15 сентября 2011 г.). http://argumenti.ru/society/n306/124792.
16. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. — М.: Альфа-М, 2011.
17. *Сахарова В.В.* Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада. СПб.: Златоуст, 2011.
18. *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. — СПб.: Наука, 2009.
19. *Фромм Э.* Здоровое общество. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.
20. *Хабермас Ю.* Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005.
21. *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. — М.: Весь Мир, 2008.
22. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004.
23. *Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. — 1994. — № 10.
24. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. — М.: Канон+, 2001.
25. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / Кондаков И.В., Соколов К.Б., Хренов Н.А. — М.: Прогресс-Традиция, 2011.
26. *Эвола Ю.* Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
27. *Ясперс К.* Введение в философию. — Минск, 2000.
28. *Sartre J.-P.* L'etre et le neant. Essai d'ontologie phenomenologique. — Paris, 1943.
29. *Toffler A.* The Third Wave. — NY, 1980.

THEORETICAL BASIS OF THE APPROACH TO THE NATIONAL IDENTITY FORMATION AS ONE OF THE MOST IMPORTANT PRINCIPLES OF THE PERSONAL SPIRITUAL HEALTH

S.I. Danilov

PhD in Philosophy, associate professor of the «Institute of Business, Psychology and Management»

The article develops an idea of identity as one of the most important principles of the personal spiritual health. It also says about the need to form a new Russian identity as a Eurasian civilizational identity and search for the modern national constituent images and symbols.

Keywords: personal spiritual health; identity; national identity; personal spirit; negative identity; alienation of the personality; national traditions; Eurasianism; Eurasian civilizational identity; conciliarity; new national symbols; value of scientific and technical work; national education.